

Новый спор о старой проблеме: объективно ориентированная онтология и спекулятивный реализм

Н. П. Кнэخت

Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

Автор подходит к истории философии как истории философских полемик, используя спор современных философов с Декартом и Кантом о *доступе к реальности*, актуальный благодаря особой организации дисциплинарной памяти философии. Поскольку сегодня тема *знания* об объектах преобладает над темой *бытия* объекта, проблемы онтологии сводятся к эпистемологическим проблемам. В связи с этим автор рассматривает позиции объективно ориентированной онтологии и спекулятивного реализма и приводит главные аргументы против эпистемологически ориентированной философии. В процессе анализа правомерности замены двух традиционно несоизмеримых миров *природа* — *культура* и *объект* — *субъект* на «разнообразные коллективы объектов» автор исследует новизну и продуктивность позиции *онтикологии* в очередной попытке ответить на вопрос «чем объект является?».

Ключевые слова: Рене Декарт; Иммануил Кант; «коперниканский поворот»; Бруно Латур; Грэм Харман; Леви Р. Брайант; Квентин Мейясу; объективно ориентированная онтология; онтикология; спекулятивный реализм; корреляционизм.

Современная французская философия неотделима от гуманитарных и социальных наук, писательской и преподавательской деятельности. Она представлена широкой тематической палитрой. Это и критические исследования неолиберализма, и анализ проблемы политики насилия, и перманентный пересмотр оппозиции *природа* — *культура*, и переосмысление христианской чувственности [1, с. 4]. Сегодня остается актуальной характеристика французской философии, данная Фредриком Поланом: «Общий вид французской философии можно сравнить с городом, который архитекторы, каменщики и ремесленники строят без предварительного согласия между собой, каждый действуя на свой вкус и следуя собственным склонностям» [2, с. 42]. Однако Мишелю Фуко удалось разглядеть в пестром

разнообразии интеллектуальных течений две кардинальные магистральные линии — это «философия опыта, чувства, субъекта и философия знания, рациональности, понятия» [3, с. 4].

В современном интеллектуальном пространстве Франции наряду с признанными и влиятельными авторами (Р. Барт, М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Делёз, Ф. Гваттари, Ж. Лакан, Ж.-Ж. Бодрийяр, П. Бурдьё) появляются новые имена (Б. Латур, А. Бадью, Л. Болтански, К. Лаваль, Ж.-Л. Марион и др.). Отечественные философы с переменным успехом осваивали и заимствовали понятия и объяснительные схемы, данные современными французскими интеллектуалами, что выразилось в ряде продуктов, представляющих своеобразное «клонирование современного европейского левого дискурса» [4, с. 444].

© Кнэخت Н. П.

Разумеется, на то были объективные причины: в «лихие» 1990-е интеллектуальный прорыв осуществляло поколение, которое, по образному выражению К. А. Свасьяна (представителя этого поколения), «всосала в себя фантомно-советская длящаяся». Российские философы налаживали контакт-понимание с другим сознанием, оставаясь «в пионерско-комсомольском, татаро-монгольском бессознательном» [5, с. 4]. Проходит время, меняется культурная политика, порядок «публичного использования» разума, способы воспроизведения идей новых кумиров в российском контексте. Новое поколение интерпретаторов ориентируется на умеренный институциональный эксцентризм, выбирая преимущественно тех философов и антропологов, которые исследуют субъективность и человека как такового [1, с. 26]. Однако если рассматривать историю философии не как хронологическую последовательность трудов отдельных философов, систем философских школ и не как историю философских проблем той или иной степени давности, а как историю философских полемик, то дискуссионным образом можно соотнести исторически далекие позиции. Например, спор современной философии с Декартом и Кантом по поводу *доступа к реальности*. Возможность такого спора определяется дисциплинарной философской памятью, структура которой (в отличие от специальных наук) организована таким образом, что позволяет актуализировать любой элемент исторической философской традиции.

Как известно, эпистемологические проблемы (в том числе и проблема *доступа к реальности*) возникают из дуалистической модели бытия. Дискуссия на эту тему длится уже более двух веков. В наше время она приобретает новые

обертонны. Начиная с Декарта, затем следуя Канту в русле его «коперниканского переворота», философы привыкали к тому, что наивно спрашивать: «Что собой представляет на самом деле объект или вещь?» или (если речь идет об историческом событии): «Как было на самом деле?» Тем более если речь идет о событии, тиражируемом современными масс-медиа. В данном случае уместнее говорить, не **что** такое событие, а **как** оно создается (была ли война в Персидском заливе?). Получается, что наши вопросы уместнее адресовать не к самим объектам, не к внешней реальности, а к тому, как мы ее репрезентируем, т. е. к нашим представлениям о ней, так как мы не можем покинуть пределы собственного разума и стать внешним наблюдателем. При этом в современных дискуссиях крайности солипсизма и берклианского субъективного идеализма если не используются критически, то рассматриваются как примеры запрещенных ходов. Вопрос о границах нашего познания связывается с критикой универсалистских претензий — «картин мира», которые, в сущности, являются социальными конструктами, зависящими от историко-культурных, языковых, экономико-политических и прочих факторов. Наши представления о реальности конструируются подобно конструированию понятий «общество», «человек», «раса», «гендер» и пр. Правила конструирования тесно связаны с жизнью, с управлением и свободой, т. е. регламентируются властью. Власть задает представления о должном социальном порядке, который отражается в эпистемологической парадигме, даже если это не очевидно за сухими эпистемологическими спекуляциями. Такое перемещение спора о знании на территорию этики и политики оставляет на задворках эпистемологии вопрос о том,

например, что такое субстанция. Тема знания об объектах покрывает тему *бытия* объекта и тем самым предшествует онтологической проблематике. Вопросы, поставленные *новыми философами*: «Должны ли проблемы онтологии сводиться к эпистемологическим проблемам?» и «Правомерно ли сводить вопрос о том, чем объект является, к вопросу *доступа к объекту*?» Представители объективно ориентированной онтологии не возрождают *эпистемологический* (наивный) реализм. Они далеки от наивной веры в то, что наши представления, закрепленные в языке, — верное отражение мира «как он есть на самом деле». Их позиция:

1) возврат к бытию самих объектов безотносительно к тому, существует ли познающий субъект, т. е. тот, кто их представляет;

2) утверждение, что мир состоит из разнообразных, в сущности равноправных, объектов: разум, язык, культурные и социальные сущности, а также независимые от людей галактики, камни, кварки, микробы и пр.;

3) отказ рассматривать объекты как конструкции, созданные людьми.

Одним из главных аргументов против эпистемологически ориентированной философии является ее антропоцентризм. Это касается даже таких, казалось бы, объективистских направлений современной философии, как структурализм и постструктурализм, где субъект заменяется безличными анонимными социальными силами (язык, структуры), так как общество и культура имплицитно включают человеческое измерение, и Бытие тем самым сводится к бытию для нас. Попытка децентрации человека связана с тезисом «демократия объектов», т. е. с попыткой «продумать существование объектов, свободных в своем бытии-для-себя от пристального

взгляда человека» [6, с. 282], но не исключая человека. Иначе говоря, объективно ориентированная онтология, или онтикология (как ее именуют сами сторонники), пытается пересмотреть положение о том, что объекты суть корреляты, противостоящие людям, тогда как сами люди, наделенные особыми силами и способностями, представляют один из видов объектов. Таким образом, если в модернистской схеме (сложившейся со времен Декарта) мир поделен на две области: культура (мир свободы, смыслов, знаков, представлений, языка, власти и т. д.) и природа (бытие, состоящее из материи, управляемой механической причинностью), то в онтикологии предпринимается попытка переключения с двух несоизмеримых миров на «разнообразные *коллективы* объектов» [6, с. 285]. Однако эта операция в мышлении о бытии производится против аксиомы, что миры *природа — культура* и *объект — субъект* должны удерживаться разделенными, чтобы их качества не смешивались. Разделение представляется неправомерным и догматическим с точки зрения онтикологии. В статье «Государь сетей: Бруно Латур и метафизика» Г. Харман пишет: «Объявить, что реальность сводима к материальным факторам, — значит принять догматическое решение о том, какими должны быть первичные качества акторов, и вместо нескончаемого таинства мы получаем догматическую модель акторов как протяженных твердых тел. <...> ...одномерная *идея* акторов подменяет их реальность. <...> Материализм оказывается не практической реалистической доктриной, а одной из самых вульгарных форм идеализма...» [7, с. 237—238]. Согласно Латуру, истоки *идеалистического материализма* восходят к идее о различии между первичными и вторичными качествами,

которая досталась нам по наследству от Декарта и Локка: «Вот почему материализм недавнего прошлого сейчас выглядит таким идеалистическим: он принимает идею о том, чем должны быть вещи в себе (а именно первичными качествами), и при этом не перестает удивляться тому чуду, которое делает их “похожими” на то, как их изображают на чертежах» [8, с. 268]. Современный «материальный материализм» отличается от его идеалистического двойника, поскольку обращает внимание на разрыв в понимании техники-как-вещей — совокупности артефактов (здесь мы сталкиваемся с границами «насыщенного описания вещей») и привычного рассмотрения техники-как-объектов, существующих в режиме *res extensa* (протяженная субстанция) [8, с. 272]. Латур работает в онтологии промежуточных миров (техники, артефактов, дизайна, масс-медиа).

Другим аргументом против дуализма в разделении миров и эпистемологического субъект-объектного различия является пренебрежение «ролью не-человеческого и не-означающего в виде технологий, погодных условий, ресурсов, болезней <...> стихийных бедствий, наличия или отсутствия дорог, доступности воды, животных, микроорганизмов, наличия или отсутствия электричества и высокоскоростных подключений к интернету, транспортных средств и т. д.» [6, с. 286]. Однако «не-человеческими» акторами (лабораторными условиями, действиями с материалами и инструментами, местом и практическими процедурами) нельзя пренебрегать не только в практической деятельности, но и в производстве знания.

Выступая против современной гипотезы дуалистического мира, представители объективно ориентированной

онтологии (Леви Брайант, Грэм Харман, Ян Богост, Никлас Луман, Бруно Латур и др.) как бы размножают разрывы между объектами, лишают людей привилегированной особенности, сводя различие между объектами и людьми к различию степени, а не качества, уравнивая их *свойством перевода*. Латур показывает, что отношения между акторами — всего лишь форма перевода, тем самым он как бы освобождает философию от страха перед неодушевленной материей. Все объекты переводят друг друга, и ни у одного объекта нет прямого доступа к другим объектам.

Однако что нового может дать эта позиция и насколько она продуктивна? Брайант анонсирует объективно ориентированную онтологию в статье «На пути к окончательному освобождению объекта от субъекта», предвидит ее интегративные возможности в использовании некоторых идей современной антиреалистической философии (в основном французской) и выводов континентальной социальной и политической теории. Он использует заимствованную у Леви-Стросса технику бриколажа, а именно особенность формирования нового объекта или построения знания об объекте, когда имеющиеся элементы собираются и сохраняются по принципу «это может всегда сгодиться». Тогда, согласно логике Брайанта, «каждый объект — это толпа (*crowd*), и это прежде всего относится к книгам» [6, с. 291]. Философ-бриколер, используя разнородный материал, виртуозно связывает ранее произведенные продукты в новый объект, в котором сосуществуют и объективно ориентированная онтология Хармана, и конструктивизм аутопойетической социальной теории Лумана, и онтология виртуального Делёза и Гваттари, и психоаналитическая теория Лакана.

Защищая реалистическую онтологию, объективно ориентированная философия смыкается со спекулятивным реализмом. Философы Рэй Брасье, Йэн Хэмилтон Грант, Квентин Мейясу отказываются от представления об объектах как конструкциях или коррелятах разума, субъекта, культуры или языка. Вопрос об объекте выносится за пределы субъект-объектной оппозиции. Они замечают, что со времен Канта объективности дозволено быть только результатом синтеза (в системе Канта синтез осуществляется в субъекте, в системе Гегеля — объективная реальность самосинтезируется). Вопрос о трансцендентальном гаранте объективности остается открытым. Спекулятивные реалисты (прежде всего Квентин Мейясу) обращаются к схеме, предложенной Аленом Бадью, согласно которой дискурсивный доступ к Реальному (точнее, не к Реальному, а к его презентации) возможен только при помощи математической онтологии, в которой уже произведена операция счета-за-одно. Обращение к математической онтологии Бадью не случайно. Во взглядах *новых философов* проявляется поколенческий конфликт: полемика в сфере революционной философии *блоггерного типа*. Дискуссия разворачивается в средствах массовой информации в режиме диалога *вызов — ответ*. Причем основана она не на поиске истины, а на выборе ряда предпочтений. Квентин Мейясу адаптирует бадьюанскую методологию к подбору аргументов против воззрения представителей *критической философии*, которые отказываются от поиска Абсолюта, на деле перенося Абсолют из мира сущностей в корреляцию: внешнее помещается внутрь корреляции (по мнению Мейясу). Возрождается дискуссия о первичных качествах, главной характеристикой которых является

математизация. В произведении «Размышления о первой философии» Декарт, рассуждая о куске воска, отмечает процедуры, позволяющие освободить его от вторичных, несущественных качеств и выделить единственное существование — протяженность. Абстрагирование происходит буквально — он использует образ огня как центр логического рассуждения. Благодаря невероятной интеллектуальной работе и вере в разум он совершает революционные открытия, не используя эмпирические исследования по причине недоступности экспериментальной базы, что объективно для реальности его времени. Сегодня для спекулятивных реалистов отказ от исследовательского опыта и обращение к чистой метафизике в дискурсивной сфере — это мощная игра, в которой требуется согласие оппонента, а не эксперимент. Спекулятивным путем они приходят к выводу: первичные качества, с одной стороны, контингентны, так как не принадлежат к вспомогательной данности реальности, с другой — абсолютны, так как могут существовать независимо от мышления [9]. Рассуждения Мейясу нисходят по линии инволюции от Канта к Декарту, в результате математическая наука получает доступ к вещам-в-себе.

Другой аргумент против уверений корреляционистов о невозможности помыслить реальность, независимую от субъекта, Мейясу находит, рассматривая достижения естественных наук, которые исследуют ископаемые, датированные миллионами лет до нашей эры. Доисторическая реальность существовала до появления живых организмов, способных эту реальность воспринимать. Следуя логике корреляционистов, утверждает Мейясу, существование независимой реальности прекратилось в точке возникновения

сознания, а следовательно, истории. Значит, никто не вправе запретить нам думать о том, какая реальность последует за исчезновением человечества. И совершенно обезоруживающий вывод: всё может не существовать, равно как несуществующее может появиться! Следовательно, мы вольны рассуждать только о том, что никогда не случится!

Сопоставляя рассмотренные подходы к построению объективно ориентированной онтологии, видим замену темы «Субъект» на тему «Другой», вертикали на горизонталь. Меняется мода, одни идеи преобладают над другими. Вспомним Макса Планка: «Новая научная истина побеждает не благодаря переубеждению или просвещению своих противников, а, скорее, потому, что они умирают, и вырастает новое поколение, свыкшееся с этой истиной» (приводится по: [6, с. 292]). Воцаряется мир *друговости*, промежуточный, мир дистанции, безопасности и комфорта.

Литература

1. **Бикбов А.** Осваивая французскую исключительность, или Фигура интеллектуала в пейзаже // Логос. 2011. № 1 (80). С. 3—27.
2. **Paulhan Fr.** Contemporary Philosophy in France // The Philosophical Review. 1900. Vol. 9. № 1. P. 42—69.
3. **Foucault M.** La vie, l'expérience et la science // Revue de métaphysique et de morale. 1985. Vol. 90. № 1. P. 3—14.
4. **Толстая Т. Н.** Легкие миры. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2014. 477 с.
5. **Кузнецов В. Ю.** Мир единства / Авт. предисл. К. А. Свасьян. М.: Академический Проект: Альма Матер, 2010. 208 с. (Философские технологии: hic et nunc).
6. **Брайант Л. Р.** На пути к окончательному освобождению объекта от субъекта // Логос. 2014. № 4 (100). С. 275—292.
7. **Харман Г.** Государь сетей: Бруно Латур и метафизика // Логос. 2014. № 4 (100). С. 229—248.
8. **Латур Б.** Извините, вы не могли бы вернуть нам материализм? // Логос. 2014. № 4 (100). С. 265—274.
9. **Meillassoux Q.** After Finitude: An Essay on the Necessity of Contingency. London et al.: Bloomsbury Academic, 2010. 160 p.

Кнэхт Наталья Петровна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и политологии (ФСИП) МИЭТ. E-mail: nataknekht@gmail.com